

Матюшевская М.И.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
В НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО

С момента своего возникновения в античности и до наших дней историописание всегда развивалось в тесной связи с литературным творчеством. Формирующаяся историческая наука и художественная литература взаимно обогащали сюжетные линии и жанровые особенности друг друга, совместно оттачивали искусство эмоционального воздействия на своего читателя.

Дисциплинарно организованная наука XIX века стала использовать художественные произведения в качестве исторического источника. Тогда же учеными был поставлен вопрос о правомерности такой методологии, о различиях научного и литературного творчества.

Нарастание междисциплинарности науки XX – начала XXI в. подняло данную дискуссию на новый уровень. Как отмечает В.П. Богданов, в советское время при разработке этой темы наметились два пути: изучение влияния на исторический процесс литературных произведений (работы М.В. Нечкиной) и исследование отражения в художественных произведениях исторических фактов (работы Ю.М. Лотмана). В настоящее время свидетельством вновь возрастающего интереса российских исследователей к изучению художественных произведений как исторических источников являются публикации, посвященные литературному краеведению, а также первый номер журнала «Отечественная история» за 2002 год [1].

В этой связи представляется актуальным обращение к историографическим источникам и, в частности, к изучению трудов известного российского историка В.О. Ключевского, методология научного творчества которого за истекшее столетие получила в российской науке разнообразные и порой взаимоисключающие оценки [7]. В своих трудах В.О. Ключевский активно использовал художественные произведения и дал теоретическое обоснование необходимости проведения такой работы.

Анализ научных сочинений В.О. Ключевского показывает, что к изучению художественных произведений в качестве исторических источников он прибегал в случае применения в исторической реконструкции метода типологии. В «Курсе русской истории» ученый писал: «...типические лица помогут нам полнее изучить состав жизни, их воспитавшей. В таких лицах целно собирались и выпукло проступали такие интересы и свойства их среды, которые терялись в ежедневном обиходе, спорадически бродя по заурядным людям, разбросанными и бесильными случайностями...» [2, с. 300].

Интересовавшие его «типические лица» В.О. Ключевский отыскивал, в первую очередь, среди реально существовавших в прошлом государственных деятелей. Он изучал их как самостоятельные исторические явления, делал подробные социально-биографические экскурсы, которым посвящал иногда целые лекции (например, лекцию LVI о царе Алексее Михайловиче и Ф.М. Ртищеве), а также рассматривал в общем контексте своего исследования исторического процесса.

Прием типологии В.О. Ключевский соединял с ретроспективой. Историк отслеживал поведение «типических лиц» в «большом времени». Примером тому является анализ им двух типов государственных людей XVII–XVIII вв., родоначальниками которых он считал князя В.В. Голицина и А.Л. Ордина-Нащокина, выходцев из «переходного периода» Смуты.

В.О. Ключевский обозревал проблему и в «большом пространстве». Здесь, пожалуй, самой удачной была его характеристика Александра I – своеобразного, как писал ученый, «типического лица», явившегося воплощением общеевропейского мировоззренческого кризиса рубежа XVIII–XIX вв.

При столкновении с трудностями в поиске необходимого материала В.О. Ключевский прибегал к замене реальных «типических лиц» вымышленными «дуалами». Ими были либо абстрактные типы (русский вольтерьянец, петиметр, кокетка и др.), либо герои художественной литературы. Обосновывая возможность подобной замены и, в частности, использования в научном исследовании художественных образов, историк в статье «Недоросль Фонвизина» отмечал, что художественное понимание вызывается той высшей творческой силой зрения, которая за невидимыми для всех призрачными явлениями умеет разглядеть никем не замечаемую действительность [3, с. 62].

По мнению В.О. Ключевского, «Недоросль» Д.И. Фонвизина – это комедия не лиц, а положений. Она – зеркало, показывающее зажиточную дворянскую семью екатерининского времени, которая стала жертвой непонимания исторически сложившегося положения своего сосло-

вия. Указом о вольности дворянства 1762 г. ей были даны права без обязанностей, что, по мысли В.О. Ключевского, являлось юридической нелепостью и политической невозможностью. Следствием такого законодательства стало появление госпожи Простаковой, которая своим поведением и речами произнесла дворянскому сословию смертный приговор. Переходя от анализа художественного произведения к обзору российских законодательных источников, менявшихся на протяжении столетий, В.О. Ключевский заключал, что комедия Д.И. Фонвизина хотела дать строгий урок дворянам, чтобы не стать для них зловещим пророчеством.

Среди авторов художественных произведений В.О. Ключевский особо выделял А.С. Пушкина. В речи 6 июня 1880 г., произнесенной на торжественном собрании Московского университета в день открытия памятника великому поэту, он говорил: «...все написанное Пушкиным – исторический документ, длинный ряд его произведений – поэтическая летопись его времени...» [3, с. 77]. Ученый подчеркивал: «...Пушкин не мемуарист и не историк, но для историка большая находка, когда между собой и мемуаристом он встречает художника...» [3, с. 83–84].

По заключению В.О. Ключевского, А.С. Пушкину, как никому другому, удалось показать сложившейся в России XVII–XIX вв. культурный тип русского человека, который вырос в убеждении, что он родился не европейцем, но обязан стать им. А.С. Пушкин интересовался этим типом. Он и сам представлял одну из его разновидностей – даровитую, восприимчивую, блестящую. Как историческое явление данный культурный тип активно изучал сам В.О. Ключевский. Поэтому он высоко ценил произведения поэта, выделяя среди них такие сочинения как «Арап Петра Великого», «Дубровский», «Капитанская дочка».

По оценке В.О. Ключевского, в «Арапе Петра Великого» был показан «невольный и зачисленный в европейцы по указу» русский человек. Все его понятия и симпатии принадлежали старой, неевропейской России, хотя он был не прочь послужить на новой службе и сделать карьеру. Арап Ибрагим – один из петровских дельцов. Он резкий и жестокий, но из-за недостатка гибкости – хрупкий, а потому неживучий. Такие характеры вымирали уже при Екатерине II. «...Зато живуч был общественно-физиологический вид, представленный в лице молодого К., Ибрагимова товарища по курсу высшей европеизации в парижских салонах. Это русский петиметр XVIII в., великосветский русский шалопаи на европейскую ногу, “скоморох” <...> При Петре ему холодно и неловко в его нарядном кафтане среди деловых людей, которые скидали рабочие куртки только по праздникам. Со временем он будет нужным и важным человеком в праздном обществе...» [3, с. 81].

Троекуров в «Дубровском» – это постаревший петиметр в отставке: «...Троекуровы родились при Елизавете, процветали в столице, дурили по захолустьям при Екатерине II, но посеяны они еще при Аннах...» [3, с. 81]. По мнению В.О. Ключевского, особенно удался А.С. Пушкину князь Верейский – «...настоящее создание екатерининской эпохи, цветок, выросший на почве закона о вольности дворянства и обрызганный каплями росы вольтерьянского просвещения. Князь Верейский – едва ли не самый ранний экземпляр новой разновидности нашего типа, которая развилась очень быстро. Подобными ему людьми до скуки переполняется высшее русское общество с конца царствования Екатерины...» [3, с. 82].

Дубровский-отец – человек старого петровского покроя, который при Екатерине II уже выводился: «...Дубровский-сын – другой полюс века и вместе его отрицание. В нем заметны уже черты мягкого, благородного, романтически протестующего и горько обманутого судьбой александровца, члена Союза благоденствия...» [3, с. 82].

В.О. Ключевский отмечал, что А.С. Пушкину беспристрастнее и правдивее, чем Д.И. Фонвизину, удалось показать образ недоросля XVIII века. У Д.И. Фонвизина Митрофан – карикатура, комический анекдот: «...В исторической действительности недоросль – <...> самое простое и повседневное явление, к тому же не лишенное довольно почтенных качеств. Это самый обыкновенный, нормальный русский дворянин средней руки. Высшее дворянство находило себе приют в гвардии, у которой была своя политическая история в XVIII в., впрочем, более шумная, чем плодотворная. Скромнее была судьба наших Митрофанов. Они всегда учились понемногу, сквозь слезы при Петре I, со скукой при Екатерине II, не делали правительство, но решительно сделали нашу военную историю XVIII в...» [3, с. 82–83].

А.С. Пушкин описал два вида таких недорослей. Один из них представлен Гриневым, невольным приятелем Пугачева, другой вид – Белкиным, беллетристом и летописцем села Горюхина, человеком уже XIX века. К обоим видам недорослей А.С. Пушкин относился с сочувствием.

Галерея художественно-исторических портретов замыкается у А.С. Пушкина описанием его современника – Евгения Онегина. Ему В.О. Ключевский посвятил блестящую по своим художественным достоинствам речь, произнесенную к 50-летию со дня смерти поэта, – «Евгений Онегин и его предки». В ней историк подвел такой итог своим рассуждениям: «...Онегин не был печальною случайностью, нечаянною ошибкой: у него была своя генеалогия, свои предки, которые наследственно из рода в род передавали приобретенные ими умственные и нравственные вывихи и искривления...» [3, с. 88]. Он – «наследник всех своих родных», явление любопытное и вымирающее. Уже после А.С. Пушкина его описание было продолжено в художественных сочинениях «Дворянское гнездо» и «Обломов».

Выводы В.О. Ключевского о большом значении произведений А.С. Пушкина для научного исторического изучения подтверждает современная российская наука. В частности, В.С. Листов доказывает, что действие художественно-исторических произведений А.С. Пушкина происходит одновременно в конкретно-историческом и идеально-историческом времени/пространстве [4]. Автор назвал В.О. Ключевского первым в числе историографов, внесших вклад в изучение произведений поэта как историка.

Теоретически описанный В.О. Ключевским и реализованный им на практике метод типологии сегодня также вызывает интерес. Он актуален в контексте разработки проблемы развития визуального мышления у учеников школ и студентов высших учебных заведений, получающих историческое образование [6].

В.О. Ключевский понимал значение художественного образа в преподавании и озвучил это в своем афоризме: «Говоря публично, не обращайтесь ни к слуху, ни к уму слушателей, а говорите так, чтобы они, слушая Вас, не слышали Ваших слов, а видели Ваш предмет и чувствовали Ваш момент; воображение и сердце слушателей без Вас и лучше Вас сладят с их умом» [3, с. 403]. Чтобы достичь такого эффекта, «развивая мысль в речи, надо ее теоретическую схему вложить в ум слушателя, затем в наглядном сравнении предъявить эту схему воображению и на мягкой лирической подкладке осторожно положить на слушающее сердце. Тогда, – уверял В.О. Ключевский, – слушатель – Ваш военнопленный и сам не убежит от Вас, даже когда Вы отпустите его на волю, останется вечно послушным Вашим клиентом» [3, с. 400].

Сегодня, в эпоху бурного развития визуальной культуры, введения в научный оборот новых типов исторических источников, разработки новых методов их изучения и преподавания исторических дисциплин [5], важно не забыть этот опыт работы с письменными художественными источниками и устным словом, накопленный нашими предшественниками.

1. Богданов, В.П. Памятники искусства и историческая наука / В.П. Богданов // Художественное образование и наука. – 2015. – № 4. – С. 85–89.
2. Ключевский, В.О. Сочинения : в 9 т. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3 : Курс русской истории. Ч. 3. / под ред. В.Л. Янина; послесл. и коммент. В.А. Александров, В.Г. Зиминова. – 414, [1] с.
3. Ключевский, В.О. Сочинения : в 9 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 9 : Материалы разных лет / под ред. В.Л. Янина; послесл. и коммент. Р. А. Киреевой. – 525 с.
4. Листов, В.С. Прошлое как вымысел (об особенностях пушкинского историзма) / В.С. Листов // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – 2009. – Т. 68. – № 3. – С. 3–19.
5. Мазур, Л.Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования : [Электронный ресурс] / Людмила Николаевна Мазур // Идеи А. С. Лаппо-Данилевского в интеллектуальных контекстах XX–XXI веков. – Научно-педагогическая школа источниковедения – сайт Источниковедение.ru – Режим доступа: http://ivid.ucoz.ru/publ/lappo_150/mazur_id/16-1-0-144 – Дата доступа: 21.02.2017.
6. Матюшевская, М.И. Методы развития визуального мышления учеников в преподавательской работе В. О. Ключевского (к 175-летию со дня рождения ученого) / М.И. Матюшевская // Адукацыя і выхаванне. – 2015. – № 12. – С. 64–68.
7. Матюшевская, М.И. Оценка научного творчества В.О. Ключевского в российской историографии конца XIX – начала XXI века / М.И. Матюшевская // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2017. – № 1. – С. 55–61.

Лякишева С.И.

КТО И КАК ЧИТАЕТ НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Эта статья – попытка обобщить опыт того периода, когда работа учёного с источниками перерастает в публикацию. Одновременно это и радость завершения труда, и переживание последних трудностей, которые возникали на этапе подготовки и в период работы над исследованием. Делюсь собственным опытом.

В 2015 году вышла книга «Русское усадебное рукоделие: NOBILIS культура». Она оказалась заметным событием, поскольку была воспринята и в центральной печати, и в социальных сетях, и нашла отклик в письмах читателей. Проанализируем резонанс читательской аудитории.